

Гром с неба

Эдуард Мисакян

Гром с неба (5-6 часть)

«Автор»

2026

Мисакян Э. С.

Гром с неба (5-6 часть) / Э. С. Мисакян — «Автор», 2026

Пятая и шестая части — перелом в истории отряда из будущего, заброшенного в жестокую древнюю степь. Хан Хубилай, чьё имя стало ужасом для врагов, впервые сталкивается с силой, которую не может понять: «железные птицы», огонь с неба и люди, не знающие пощады. Между ним и Аксиной — женщиной, потерявшей мужа, дом и прошлое, — возникает хрупкая, запретная связь, которая даёт им обоим силу жить дальше. В шестой части отряд получает подкрепление, захватывает Красный Брод и выходит на торговый путь, где вместо открытого боя приходится говорить с князьями, плести политику и строить империю. Это история о страхе и возмездии, о любви среди пепла, о невозможном выборе и о том, что у времени нет обратной дороги.

© Мисакян Э. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эдуард Мисакян

Гром с неба (5-6 часть)

Глава

Часть 5.

Глава 1. Страх хана.

Его звали Хубилай. Не тот великий, что завоевал Китай, а другой. Тридцать пять лет, но уже легенда, уже страх и смерть.

Он был высок — выше большинства своих воинов. Широкоплечий, с длинными руками, будто созданными для меча и лука. Лицо — широкое, скуластое, обветренное. Кожа — как старая кожа, дублёная солнцем и ветром. Глаза — узкие, тёмные, с тяжёлыми веками, которые видели всё и не боялись ничего.

Шрам через левую щеку — от уха до подбородка. След от сабли, ещё мальчишкой получил в первой своей битве - тогда он убил троих, и не почувствовал ничего.

Нос — с горбинкой, перебитый, рот — тонкий, с опущенными уголками. Улыбался он редко, и когда улыбался — лучше было не смотреть: это была не улыбка, это был голодный волчий оскал.

На шее — ремень из зубов. Не звериных, а человеческих. Тех, кого он убил лично. Он не снимал его никогда, даже когда спал, даже когда мылся, даже когда любил женщин. Ремень был его памятью и гордостью, его предупреждением.

Он не пил вина, ел сырое мясо, не спал на мягком, спал на земле под открытым небом, завернувшись в войлок. Ел всегда один. Никто не видел, как он ест, никто не видел, как он спит, никто не видел его слабым. Никогда.

Он был жесток. Не потому, что любил жестокость - потому, что она была инструментом, подобно мечу, луку, коню

Пленных он не жалел. Никогда. Мужчин убивал, женщин отдавал воинам, детей... детей он забирал: мальчиков — в воины, девочек — в жёны. Если выживут - хорошо, если умрут — значит, слабые. А слабые не нужны.

Он сжёг двенадцать деревень, вырезал три города. Убил больше людей, чем помнил по именам. Он не считал. Зачем? Смерть — это не число, смерть — это тишина. А тишину он любил.

Но в последнее время тишина исчезла.

Весть пришла с юга. От тех, кто выжил. Их было пятеро. Из трех тысяч. Пятеро. Они пришли ночью. Упали перед юртой хана. Ползли. Плакали. Кричали.

Хубилай вышел. Посмотрел на них, потом сказал:

— Говорите.

Старший — седой воин с перебитой рукой и обожжённым лицом — поднял голову, и в его глазах застыл ужас: не страх перед ханом, а другой — тот, который не проходит и остаётся навсегда.

— Они... — он замолчал, сглотнул и продолжил: — Они пришли с неба, железные птицы, и сбросили огонь. Всё горело: земля, небо, люди. Мы не успели, не увидели, не услышали — только гром и огонь, только смерть.

— Сколько? — спросил хан.

— Три тысячи убитых, может, больше. Мы не считали, мы бежали.

— А они?

— Они... — седой замолчал. Посмотрел на хана. В его глазах было что-то, чего хан не видел раньше никогда ни в ком. — Они не потеряли ни одного. Ни одного, хан. Они убили три тысячи и не потеряли ни одного.

Хан молчал, стоял и смотрел на седого. На его обожжённое лицо, на его страх, на его правду.

Потом повернулся, пошёл в юрту, сел, взял чашу с кумысом, выпил до дна.

— Уходите, — сказал он. — Все.

Воины вышли. Шаман остался, стоял в углу и смотрел.

— Что скажешь? — спросил хан.

— Это не люди — сказал шаман. — Это духи, злые духи. Они пришли из-под земли или с неба. Не знаю. Но это не люди.

— Духи? — хан усмехнулся. — Я убивал духов. Помнишь? В горах. Когда мы жгли их капища, они кричали как люди. Кровь у них была красная как у людей. Значит, они умирают как люди.

— Эти не умирают.

— Все умирают. Вопрос — как.

Он встал и близко подошёл к шаману, посмотрел в глаза и сказал:

— Я не боюсь. Никого. Ничего. Никогда.

Но в его глазах что-то дрогнуло. Что-то, чего он сам не понял. Что-то, чего он не знал раньше. Страх. Настоящий. Животный. Тот, который живёт в каждом человеке, который просыпается, когда встречаешь нечто, чего не можешь понять.

Он отогнал его. Глубоко, туда, где не было света, где не было слов, где жили только ненависть и воля.

— Завтра, — сказал он. — Мы выступаем. Все. Тридцать тысяч. Я сам поведу их, я найду этих духов и убью их всех до одного.

Шаман молчал. Потом сказал тихо:

— Они не духи. Они — небесная сила. И они сильнее тебя.

Хан ударил его кулаком в лицо. Шаман упал, кровь потекла по губам. Но он не отвёл глаз и продолжал смотреть. И в его глазах было то же, что и у хана. Страх.

— Ещё раз скажешь такое — убью — сказал хан.

Он вышел из юрты, посмотрел на небо. Звёзды были чужие, холодные, равнодушные. Он смотрел на них долго, потом опустил глаза на степь, на огни костров, на воинов, на всех, кто умрёт завтра.

Он не боялся. Он никогда не боялся. Но сейчас... Сейчас что-то было не так: что-то, что он не мог назвать, что-то, что жило в груди — холодное, тяжёлое, чужое.

Он вспомнил своё детство: первую битву, первую кровь, первую смерть. Тогда он тоже боялся, но это был другой страх — страх мальчика, страх перед болью и смертью, перед неизвестностью.

А сейчас был другой страх — страх взрослого: перед тем, что он не может понять, что не укладывается в его мир, что сильнее его, что может убить его. Не сейчас — потом. Когда он будет старым, слабым, один.

Он отогнал эту мысль глубоко — туда, где не было света, туда, где жили только ненависть, только воля, только он.

— Я убью их — сказал он тихо. — Всех. До одного.

Но где-то в глубине, в самой глубине, что-то шепнуло: «А если не сможешь?» — и он не ответил, а просто повернулся, пошёл в юрту, сел, закрыл глаза и, не засыпая, сидел, ожидая утра, войны, смерти — своей или чужой.

Утром он собрал военачальников — двадцать человек, лучших, сильных, верных, тех, кто шёл с ним с самого начала, кто видел его первым и верил в него; он стоял перед ними, а потом заговорил:

— Вы слышали: три тысячи убитых — это не люди, а духи, боги или демоны, не знаю, но они убили наших братьев, сыновей и отцов и не заплатили ничем.

Он помолчал и посмотрел каждому в глаза — долго и тяжело.

— Мы пойдём на них все, тридцать тысяч: окружим, сожжём, убьём, заберём их оружие, их железных зверей, их женщин — всё, что у них есть, всё, что они любят, всё, чем дорожат; мы отнимем, уничтожим, сотрём их с лица земли, чтобы никто и никогда не посмел снова.

Он замолчал, взял чашу с кумысом, выпил, бросил на землю — чаша разбилась.

— Готовьте коней. Завтра выступаем.

Воины закричали, подняли мечи и застучали по щитам; гром, ярость и ненависть смешались, слились и стали одним. В глазах хана был огонь и что-то ещё — то, что он прятал даже от себя, даже сейчас: страх. Он боялся впервые в жизни — по-настоящему, боялся за себя, а не за всех, не за них, не за степь, не за будущее.

Он повернулся, ушёл в юрту, закрыл полог, сел, достал нож и посмотрел на лезвие, на своё отражение — усталое, чужое; он не узнавал себя и спрашивал: где тот мальчик, который убил троих в первой битве, где тот воин, который сжёг двенадцать деревень, где тот хан, который не боялся ничего? Он остался там — в прошлом, в степи, в крови, в огне и тишине, — а здесь был только он: настоящий, живой, боящийся.

Утром он вышел, сел на коня, поднял руку и повёл тридцать тысяч на север — на форт, на смерть, на всё. Он не знал, что ждёт его там, победит он или умрёт и увидит ли завтрашний день, — просто ехал вперёд, потому что назад дороги не было, потому что он сам её сжёг.

Глава 2. Женщина у реки

Она появилась в форте на третий день после взятия южного брода. Пришла одна — пешком, босая, в разорванном сарафане, с рассечённой губой и волчьим взглядом. Рядом шел мальчик, лет пяти. Часовые на вышке заметили её издалека: шла по степи, не пряталась, не сворачивала. Будто хотела, чтобы её увидели.

— Стой! Кто такая?

Она не ответила. Просто остановилась и подняла руки. Ладони были в крови — не её. Чужой.

Корнеев поднялся на вышку. Взял бинокль. Женщина была молодая — лет двадцати пяти, может, меньше. Худая, жилистая, загорелая. Волосы тёмные, заплетены в косу. Шла ровно, не спеша, будто не боялась никого, будто уже умерла и ей было всё равно.

— Дроны?

— В воздухе. Вокруг никого. Чисто.

— Ворота не открывать. Я выйду.

Он спустился, прошёл через лагерь и у ворот остановился, посмотрел на неё через щель: она стояла в двадцати шагах и смотрела прямо на него — глаза серые, как степь зимой; не плакала, не просила, просто ждала.

— Кто ты?

— Аксинья.

— Откуда?

— Из Тёмного Лога. Это за рекой. Три дня пути.

Корнеев знал это название. Разведка доносила: деревня в степи, дальняя, маленькая. Монголы жгли её дважды. Второй раз — месяц назад.

— Что там?

— Ничего. Пепел. Всех убили. Мужа. Свекровь... — она замолчала.

- Мы с сыном успели спрятаться, в лесу. Лесные охотники сказали нам идти к вам.

— Почему сюда?

— Ты убиваешь монголов. Я хочу помочь.

— Чем?

Она посмотрела ему в глаза. Прямо. Без страха.

Я знаю степь, знаю тропы и знаю, где они прячутся, знаю их язык — меня угоняли в степь, я жила среди них, я бежала, вернулась, и муж нашёл меня в лесу полуживую, вылечил; теперь его нет, дома нет, осталась только я, сын и ненависть.

Корнеев не ответил сразу — смотрел мимо неё, на степь, будто взвешивал каждое слово. Потом сказал:

— Открой ворота.

Глава 3. Тёмный Лог

Она вошла в форт, уставшая, изнеможенная, крепко держа сына за руку. Это был худенький мальчик среднего роста, затерявшийся в лохмотьях, как в чужом мире. Его лицо, бледное и словно светящееся изнутри тихим, неземным светом, резко контрастировало с убожеством его одежды. Из-под спутанных, непокорных кудрей на вас смотрели глаза — прозрачно-серые, как вода в осенней луже, но в них застыл ледяной, затаённый страх. Казалось, он боялся не окрика, а самого воздуха, который вдруг станет слишком громким. Одет он был в рубаху, когда-то, должно быть, белую, но теперь покрытую серой коркой грязи и пятнами, а рваные брюки едва держались на худых бёдрах. Босые ноги, покрытые ссадинами и цыпками, сиротливо переступали по холодной земле, и в каждом его движении сквозила та особенная, звериная настороженность, которая бывает у детей, слишком рано узнавших горе.

Корнеев завел обоих в штабную палатку и крикнул часовому, чтоб тот позвал сержанта Варламова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.